

УДК 821.161.1

Л.А. Артамонова, Г.Ю. Карпенко*

МОТИВ ПРЕОБРАЖЕНИЯ В СТИХОТВОРЕНИИ А.С. ПУШКИНА «ПРОРОК» И В РАССКАЗЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «МУЖИК МАРЕЙ»

В статье на материале стихотворения А.С. Пушкина «Пророк» и рассказа Ф.М. Достоевского «Мужик Марей» рассматривается один из центральных мотивов русской литературы — феномен преобразования. Данный мотив пронизывает структуру представленных произведений и определяет их духовно-онтологический потенциал.

Ключевые слова: преобразование, Христос, А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, мотив, ценностные смыслы.

Заметной тенденцией современного литературоведения стало усиление аксиологического подхода: рассмотрение произведения в соотношении с фундаментальными — духовно-онтологическими — ценностями русской культуры, сформировавшимися под влиянием библио-христианской традиции [1].

Одной из таких устойчиво-первичных ценностей отечественной культуры и словесности выступает феномен духовного преобразования. Как известно, само событие преобразования связано с явлением Божественного величия и славы Иисуса Христа на горе Фавор (об этом говорится в трех синоптических Евангелиях).

Святитель Филарет (Дроздов), митрополит Московский и Коломенский (1782–1867), в «Слове на Преображение Господне», размышляя над тайной Фаворского света, говорит о Преображении как о величайшем Событии и намечает его четырехчастную структуру: 1) молитва Иисуса Христа; 2) Его внутреннее приготовление к страданию и крестной смерти; 3) явление Его в сиянии Божественной славы; 4) путь преобразования, открытый Христом всему человечеству. Архипастырь пишет: «Всмотримся еще раз прилежно в изображение преобразования Господня у Евангелиста: *Взыде на гору помолитися. И бысть, егда моляшеся, видение лица Его ино...* Кажется, по пути к Фавору в прямом и непосредственном намерении Его было не преобразование, но просто молитва: *Взыде на гору помолитися...* Размышляющему не покажется невероятной и та догадка, что предметом сей молитвы Спасителевой должно было быть приготовление Себя и учеников к приближающемуся Своему страданию и крестной смерти, о чем Он незадолго открылся ученикам» [2, с. 156].

Как видим, святитель Филарет указывает на то, что Преображение Господне случилось «внутри» приготовления Иисуса Христа к страданию и крестной смерти. Преобразование было явлено в «духе молитвы», «единым действием объемлющей небо и землю, и самое Божество!» [2, с. 156]: «Как же среди молитвы о страдании открылась слава?... Дух молитвы, сливаясь с Духом Божиим, исполнил светом душу Иисусову; избыток сего света, не удерживаясь в душе, пролился на тело — и просиял в лице; не вмещаясь и здесь, осиял и преобразил самую одежду; расширяясь еще далее, объял душу апостолов — и отразился в восклицании Петровом: *Добро есть нам zde*

* © Артамонова Л.А., Карпенко Г.Ю., 2014

Артамонова Людмила Александровна (kaа.88@mail.ru), Карпенко Геннадий Юрьевич (karpenko.gennady@gmail.com), кафедра русской и зарубежной литературы Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

быти, — прошел в область внутреннего мира — и привлек оттоле Моисея и Илию; достиг самых недр Отца Небесного — и подвиг любовь Его к торжественному свидетельству о Возлюбленном: *Сей есть Сын Мой возлюбленный*» [2, с. 156].

Рассмотрев ситуацию Преображения Господня, архипастырь соотносит ее с жизнью человека, с его возможностью и внутренней готовностью последовать «путем Христа» (по свидетельству Иоанна Богослова: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14: 6). Последний структурный компонент События преображения связан с человеком: «Да не скажет кто, что сей пример молитвы до нас не относится, как дело Богочеловека. Он относится и до нас, христиане, ибо в нас то же, хотя не в той степени, должно совершаться, что и во Христе. *Сие да мудрствуется в вас*, — учит Апостол, — *еже и во Христе Иисусе* (Фил. 2:5)» [2, с. 156]. В связи с последним обстоятельством можно вспомнить и слова апостола Павла: «Мы же все, открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа» (2. Кор. 3: 18).

Необходимо подчеркнуть: святитель Филарет говорит о Событии преображения как об онтологическом событии, пронизывающем всю структуру бытия (от одежды до Божества). Оно, случившееся однажды, пребывает в мире как особая изначальная и неубывающая реальность, как энергия преображения.

Ситуация Преображения как действительного, реального события находит свое воплощение в стихотворении А.С. Пушкина «Пророк» и рассказе Ф.М. Достоевского «Мужик Марей». В представленных произведениях происходит чудо преображения, событие «отверзания уст», формирование *другого* видения. Очевидно, мотив преображения является тем ценностно-структурным основанием, определяющим картину мира, которую конструируют художники.

Хотя данный мотив и в стихотворении «Пророк», и в рассказе «Мужик Марей» является конституирующим началом, реализуется он в данных произведениях по-разному. Можно констатировать разные духовные источники произведений. Как известно, стихотворение Пушкина восходит к «Книге пророка Исайи», в которой пророк свидетельствует: «Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, и коснулся уст моих <...>» [3. Ис. 6: 6–7]. Как и ветхозаветному пророку, лирическому субъекту в стихотворении Пушкина был явлен Серафим. Вырвав «грешный язык», вложив в уста «жало мудрых змей» и в грудь «уголь, пылающий огнем», Серафим дарует ему способность быть пророком, знаменует начало его преображения. Примечательно, что после явления Серафима и в «Книге пророка Исайи», и в стихотворении Пушкина слышится голос Бога. В ветхозаветной книге Бог посылает пророка в народ («И сказал Он: пойдй и скажи этому народу: слухом услышите — и не уразумеете, и очами смотреть будете — и не увидите» [3. Ис. 6: 9]). Лирический субъект пушкинского стихотворения слышит глас Бога: «*Восстань, пророк, и виждь, и внемли, / Исполнишь волю моей, / И, обходя моря и земли, / Глаголом жги сердца людей*» [4, т. 2, с. 87].

Как видим, Серафим является вестником Высшей Божественной Воли. Он очищает уста пророка, тем самым делая его избранником Бога, готовя его к высокому служению. Так пушкинский пророк исполняется Высшей волей («*глаголом жги сердца людей*»), обретает сердечное знание, «*обжигающее сердце*» [5, с. 119]. В «Пророке» находит свое воплощение событие «отверзания уст», дарования пророческого слова, преображающего видения. Как несложно заметить, Пушкин выстраивает это событие в условно-аллегорическом пространстве — в пустыне. Событие преображения укоренено в ветхозаветной образности. Откровение Божественного начала представлено как условный библейский опыт.

В рассказе Достоевского «Мужик Марей» началом преобразования выступает сон-воспоминание. Во время праздника в остроге, когда «*пьяных было множество, ругательства, ссоры начинались поминутно во всех углах*» [6, т. 22, с. 46], Достоевскому «*вдруг припомнилось <...> одно незаметное мгновение*» [6, т. 22, с. 47] из детства. Воспоминание о встрече на поляне с заботливым крестьянином Мареем, защитившим мальчика от волка, который, как показалось Достоевскому, бежал прямо на него, внезапно изменило взгляд писателя на каторжников: «*<...> я вдруг почувствовал, что могу смотреть на этих несчастных совсем другим взглядом и что вдруг, каким-то чудом, исчезла совсем всякая ненависть и злоба в сердце моем. <...> Этот обритый и шлемованный мужик, с клеймами на лице и хмельной, орущий свою пьяную сиплую песню, ведь это тоже, может быть, тот же самый Марей <...>*» [6, т. 22, с. 49].

Очевидно, что в рассказе Достоевского ситуация преобразования помещена в конкретное, биографическое пространство, связана с реальным жизненным опытом. Писатель сопрягает лагерные и детские переживания, соотносит их между собой. Воспоминание, пришедшее к нему из детства, влияет на его лагерную жизнь и определяет ее.

Таким образом, у Пушкина и у Достоевского сюжет ценностно и структурно строится вокруг одного события – преобразования. Однако, как уже было указано, у Пушкина данная ситуация оформлена в условно-аллегорическом пространстве, а у Достоевского – в реальном. Если Пушкин *мыслит* эту ситуацию, то Достоевский *вспоминает*. Если у стихотворения Пушкина духовный источник очевиден («Книга пророка Исайи»), то у рассказа Достоевского он узнается опосредованно через житейскую ситуацию (воспоминание в остроге) и восходит к Евангелию с его мотивами Преображения и Спасения. Сама укорененная в почве народная «благая жизнь» является источником такого *преображающего* знания. «Эпизод с Мареем» формирует в мировоззрении писателя представления о «почвенном» христианстве, теорию почвенничества.

Если в стихотворении Пушкина условно-аллегорическое пространство события преобразования обуславливает соответственно использование высокой церковнославянской лексики («*персты*», «*зеницы*», «*уста*», «*десница*», «*отверзлись*», «*глас*», «*глагол*»), то у Достоевского ситуация встречи с Мареем на земле предопределяет и «земляной», крестьянский язык («*Ишь ведь испужался*», «*октись*»). Однако и церковнославянское слово, и простонародный крестьянский язык одинаково выводят произошедшее событие за рамки художественного слова в особую зону, где они получают статус **Священного Слова**. Как отмечает Д.Л. Башкиров, это Слово не «изображает», а «изображается» в человеке, определяет сущность человеческой жизни [7]. Так возникает «невыразимый слой художественной ткани» [7, с. 408], который преобразует природу художественного произведения, выводя его на другой уровень, в сферу *всеобщего смысла*.

В данных произведениях событие преобразования получает сюжетное развертывание. В связи с этим можно рассмотреть следующие сюжетобразующие моменты:

- воздействие на субъект (Откровение Божественного начала);
- духовное и физическое состояние субъекта (до и после совершившегося события преобразования).

В стихотворении «Пророк» моменту преобразования предшествует некое тайное томление, тоска, беспричинная тревога. Томимый «духовной жаждою» лирический субъект влачится в «пустыне мрачной». В рассказе «Мужик Марей» Достоевский отмечает свое душевное состояние: «*<...> но в душе моей было очень мрачно. Я скитался за казармами <...>*» [6, т. 22, с. 46]. Представленные фрагменты говорят о схожем состоянии лирического субъекта в стихотворении и Достоевского в рассказе. Это состояние

опустошенности, бессмысленности, тоски. Лирический субъект *влачил* в *мрачной* пустыне, Достоевский *скитался* между казармами, и в душе его было «*очень мрачно*».

Однако далее возникает видение, знаменующее собой начало происходящего чуда. Преображение в «Пророке» начинается с органов чувств. Шестикрылый Серафим сначала коснулся зениц — и «*отверзлись вещице зеницы*»; далее коснулся ушей — и «*их наполнил шум и звон*»; наконец приник к устам: «*и вырвал грешный мой язык, и празднословный и лукавый, и жало мудрыя змеи в уста замершие мои вложил десницею кровавой*». Таким образом, преображенный лирический субъект начинает по-другому видеть, слышать и говорить. Для исполнения пророческой миссии важно именно это очищение недр человеческой сущности, что и становится кульминацией происходящей метаморфозы.

Примечательно, что в рассказе «Мужик Марей» Достоевский описывает сходный процесс изменения. До возникновения воспоминания писателя мучило мрачное чувство. Описывая разгул пьяных каторжников, Достоевский заключает: «*Да и никогда не мог я вынести без отвращения пьяного народного разгула, а тут, в этом месте, особенно. <...> Наконец в моем сердце загорелась злоба*» [6, т. 22, с. 46]. Однако воспоминание о мужике Марее изменило душевное состояние Достоевского. Здесь так же, как и в пушкинском «Пророке», преображение началось с органов чувств, в частности со зрения: «*И вот, когда я сошел с нар и огляделся кругом, помню, вдруг почувствовал, что могу смотреть на этих несчастных совсем другим взглядом <...>*», «*Я пошел, вглядываясь в встречавшиеся лица*» [6, т. 22, с. 49]. В результате преображения Достоевскому было дано новое видение, которое наполнило его чувством сострадания по отношению к каторжным. После появления этого нового взгляда вдруг преображается сердце. Как и в «Пророке», у Достоевского происходит очищение сердца: «*<...> каким-то чудом, исчезла совсем всякая ненависть и злоба в сердце моем*» [6, т. 22, с. 49]. Итак, *преображение объмлет всю человеческую сущность: от органов чувств до глубин сердца*.

Показательно, что событие произошло во время Светлого праздника Пасхи. Случившееся с писателем преображение можно рассматривать как малую Пасху. Оно позволило ему по-новому увидеть русский народ и подойти к его глубинному пониманию. «Обритый и шельмованный мужик» может оказаться тем же Мареем, нежно, по-матерински ободрившим ребенка, с заботой перекрестившим его и запачканным в земле пальцем дотронувшимся до его вздрагивавших губ. Марей для Достоевского — образ русского народа, сердце которого наполнено глубоким человеческим чувством. Именно воспоминание помогает писателю это осознать.

Максимальное приближение событий в жизни автора к евангельским событиям позволяет рассматривать данный рассказ, а также и другие микросюжеты, входящие в «Дневник писателя», в контексте Евангелия, в свете религиозно-ценностной картины мира, которую и конструирует Достоевский в «Дневнике».

Достоевский очень высоко ценил пушкинского «Пророка», часто читал его вслух. По воспоминаниям современников, чтение отличалось невероятной силой и глубиной проникновения. «У Пушкина это почти *надземное*» [8, с. 423], — говорил Достоевский о «Пророке». В данном биографическом моменте условно-аллегорическая ситуация у Пушкина и жизненная ситуация у Достоевского смыкаются в единое событие преображения. Так же, как церковнославянский язык в «Пророке» и народный, «мужицкий» язык в «Мужике Марее» достигают единого статуса *Слова* таким способом соединяются в выражении одного, всеобщего смысла, а иносказательное и житейское пространства в произведениях синтезируются благодаря единому биографическому опыту Достоевского *в одно реальное событие преображения*.

Таким образом, представленные в произведениях ситуации — условно-поэтическая у Пушкина и реально-биографическая у Достоевского — смыкаются в выражении

общего смысла. Сверхлогический, внеструктурный феномен преображения являет в данных произведениях некую сверхсущность. Происходит разрыв структуры человеческого: проступает особая реальность, несущая последнюю правду жизни. Этой истиной, которую обретают художники, является назначение их художественного гения. Преображение являет творцам онтологию творчества, миссию творческого дара — «исполниться волею» Божьей. Духовное откровение указывает лирическому субъекту Пушкина на служение Божественному началу — «глаголом жечь сердца людей», а каторжнику Достоевскому открывает истинную сущность народа, формирует его «почвенное» христианство.

Сопоставление в религиозно-ценностном аспекте стихотворения «Пророк» и рассказа «Мужик Марей» позволяет проанализировать такой неформализованный, сверхлогический феномен, как преображение, и показывает, что данный мотив пронизывает структуру представленных произведений и определяет их духовно-онтологический потенциал.

Библиографический список

1. Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. 560 с.
2. Филарета митрополита Московского и Коломенского творения. М.: Отчий дом, 1994. 475 с.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Библейские общества, 1993. 1376 с.
4. Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Правда, 1981.
5. Непомнящий В.С. «Пророк» // Непомнящий В.С. Пушкин. Избранные работы 1960-х — 1990-х гг. Т. 2. Пушкин. Русская картина мира. М.: Жизнь и мысль, 2001. С. 108–126.
6. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
7. Башкиров Д.Л. Евангельский текст в произведениях Ф.М. Достоевского // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. науч. тр. Вып. 5 / отв. ред. В.Н. Захаров. Петрозаводск: ПетрГУ, 2008. (Проблемы исторической поэтики: Вып. 8). С. 298–413.
8. Благой Д.Д. Достоевский и Пушкин // Достоевский — художник и мыслитель: сб. ст. М.: Худож. лит., 1972. С. 344–426.

References

1. Esaulov I.A. Pashalnost' of Russian literature. M.: Krug, 2004. 560 p.
2. Filaret metropolitan of Moscow and Kolomna creative works. M.: Otchiy Dom, 1994. 475 p.
3. Bible. Books of Holy Writ of Old and New Testament. M.: Bibleyskie obshchestva, 1993. 1376 p.
4. Pushkin A.S. Collected Works: in 10 Vol. M.: Pravda, 1981.
5. Nepomnyashchy V.S. «Prophet» // Nepomnyashchy V.S. Pushkin. Selected Works of 1960 — 1990. Vol. 2. Pushkin. Russian worldview. M.: Zhizn' i mysl', 2001. P. 109–126.
6. Dostoevsky F.M. Complete set of works: In 30 volumes. L.: Nauka, 1972–1990.
7. Bashkirov D.L. Evangelical text in the works by F.M. Dostoevsky // Evangelical text in Russian literature of XVIII–XX centuries: citation, reminiscence, motive, subject, genre: collection of scientific papers. 5th ed. / executive ed. V.N. Zakharov. Petrazovodsk: PetrGU, 2008 (Problemy istoricheskoy poetiki: 8th ed.). P. 298–413.
8. Blagoy D.D. Dostoevsky and Pushkin // Dostoevsky — artist and thinker: Miscellany. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1972. P. 344–426.

*L.A. Artamonova, G.Y. Karpenko**

**MOTIVE OF TRANSFIGURATION IN THE POEM BY A.S. PUSHKIN
«PROPHET» AND THE STORY BY F.M. DOSTOEVSKY «PEASANT MAREY»**

In the article on the material of the poem by A.S. Pushkin «Prophet» and the story by F.M. Dostoevsky «Peasant Marey» one of the central motives of Russian literature – the phenomenon of transfiguration is considered. This motive permeates the structure of the works and defines their spiritual and ontological potential.

Key words: transfiguration, Christ, A.S. Pushkin, F.M. Dostoevsky, motive, value meanings.

* *Artamonova Lyudmila Alexandrovna* (kaya.88@mail.ru), *Karpenko Gennady Yur'evich* (karpenko.gennady@gmail.com), the Dept. of Russian and Foreign Literature, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.